Д.А.Правдюк

Преимущества и ограничения интеграционной модели Тихоокеанского альянса перед лицом пандемии

В статье рассматриваются достижения и потенциал Тихоокеанского альянса как регионального блока с десятилетней историей и уникальными приоритетами. Предпринята попытка оценить эффективность объединения в контексте пандемии коронавируса и ее последствий, учитывая цели объединения и исторически сложившиеся особенности его функционирования. Взгляд на деятельность блока сквозь призму четырех основных приоритетов, перечисленных в «Стратегическом видении Тихоокеанского альянса до 2030 г.», показал, что альянс предпринял значительные усилия по смягчению удара пандемии по странам-участницам, строго придерживаясь рамок своей компетенции. После коронакризиса 2020—2021 гг. альянс находится на перепутье, имея два возможных вектора дальнейшего развития: формализацию своей структуры ради форсирования интеграции или сохранение минималистичного и гибкого стиля управления.

Ключевые слова: Тихоокеанский альянс, региональная интеграция, интеграционное объединение, торговый блок, Чили, Перу, Мексика, Колумбия.

DOI: 10.31857/S0044748X0017109-8

Статья поступила в редакцию 23.07.2021.

В апреле 2021 г. Тихоокеанский альянс (*Alianza del Pacífico, AP*) отметил свое десятилетие. Страны — участницы объединения — Мексика, Перу, Колумбия и Чили — рассчитывали создать зону глубокой интеграции посредством свободного передвижения товаров, услуг, капитала и людей. Отличительной чертой *AP* стал приоритетный фокус «вовне»: роль «моста» через Тихий океан, соединяющего страны объединения с азиатскими рынками и инвесторами, была и остается ключевым фактором, формирующим

Дарья Антоновна Правдюк — руководитель регионального направления по работе со странами Латинской Америки, Фонд Росконгресс (РФ, 199106 Санкт-Петербург, Средний пр.В.О., 88А, <https://orcid.org/0000-0002-3728-2115>, pravdukdasha94@yandex.ru).

Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-014-00042 «Латинская Америка и новый мировой порядок: перспективы и вызовы»).

вектор развития *AP*. Стремление совместно преодолеть структурные недостатки латиноамериканско-азиатских экономических отношений, как отмечает российская исследовательница А.А.Лавут, было ключевой объединяющей силой. Страны блока и до создания *AP* довольно успешно развивали свои связи с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР) поодиночке, однако для решения таких задач, как налаживание сложных производственных связей и цепочек, требовались последовательные консолидированные усилия [1, с. 14].

Основные подходы к изучению *AP* совпадают в определении блока как торговоцентричной (*trade-driven*) модели интеграции по классификации П.Риггориоцци и Д.Тусси [2]. Колумбийская исследовательница К.Ортис Моралес дает альянсу следующее определение: «межправительственная инициатива, в которой процесс принятия решений осуществляется на основе консенсуса с участием делового сектора как двигателя торгово-экономических отношений» [3]. С.Джордж, автор выразительного названия «Тихоокеанские пумы» для стран блока, охарактеризовал *AP* как «естественную коллаборацию между странами-единомышленницами, которые по отдельности применили схожие реформы и стратегии и смотрят на Восток как на торгового партнера и модель развития» [4]. Чилийский эксперт Исабель Родригес предлагает более широкую трактовку задач объединения: по ее мнению, *AP* не следует определять просто как зону свободной торговли, с самого начала существования альянса действовала диверсифицированная и многомерная программа внутривлокового сотрудничества [5]. Согласно мнению канадского исследователя М.Нельсона, *AP* — это «государственный проект, который является одновременно региональной стратегией доступа к рынку и внутренним дисциплинарным механизмом» [6].

Первое десятилетие существования *AP* пришлось на взлет и последующий кризис латиноамериканского регионализма и регионального сотрудничества [7], на протяжении которых *AP* демонстрировал многообещающую стабильность и внутреннюю согласованность. Важную роль в историографии альянса играют размышления о соотношении концептуальных основ объединения и парадигмы открытого регионализма модели 90-х годов XX в. Как отметил колумбийский эксперт Карлос Чавес Гарсиа, *AP* является примером регионализма XXI в. и был сконфигурирован как отдельный процесс по сравнению с предыдущим интеграционным опытом Латинской Америки, со специфическими особенностями, которые не позволяют свести его понимание к типичному случаю открытого регионализма [8]. Важно отметить, что либерализацию торговли внутри блока нельзя назвать центральным аспектом его повестки: новые, не менее приоритетные направления интеграции — на уровне финансовых рынков, фондовых бирж, производственных цепочек, телекоммуникаций — значительно шире повестки открытого регионализма 90-х. Экс-директор Института латиноамериканских исследований немецкого института глобальных и региональных исследований (*German Institute for Global and Area Studies, GIGA*) Д.Нольте также характеризовал *AP* как «новый тип регионального альянса, который одновременно выходит за рамки традиционных региональных организаций и бросает им вызов» [9]. Отечественный исследователь Н.Г.Хмелевская, сравнивая Общий рынок стран Южного конуса (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) и *AP* по ряду критериев интеграции, приходит к выводу, что фокус последнего на развитии международных связей, инфраструктурные проекты и прочие черты обновленного «открытого регионализма» являются его конкурентным преимуществом [10, 11].

В данном исследовании *АР* рассматривается в том числе с позиций сравнительного регионализма, то есть в совокупности различных тенденций регионализма, характерных для Латинской Америки в XXI в. По мнению профессора Университета Гетеборга Ф.Содербаума, текущие дебаты о регионализме, которые он концептуально объединил понятием сравнительного регионализма, сосредоточены на возрастающей сложности регионализма и многостороннем взаимодействии между государственными и негосударственными субъектами, учреждениями и процессами на различных уровнях взаимодействия, от двустороннего до регионального, межрегионального и многостороннего, глобального [12].

Оценка эффективности *АР* как интеграционного объединения торгово-экономической направленности сегодня невозможна без учета контекста пандемии коронавируса и ее последствий. Ряд экспертов, предпринимавших попытку подвести итоги первой декады существования альянса, справедливо отмечает успехи *АР* в том, что составляет его главные цели: углубление интеграции с АТР и гармонизация различных аспектов торговой политики и в то же время недостаточная консолидированность блока перед лицом глобальных вызовов [13, 14, 15]. Вопрос, следует ли считать коллективное реагирование на пандемию *COVID-19* критерием эффективности интеграционного объединения, является дискуссионным, а дилемма структурной эволюции нуждается во всесторонней оценке. В данной статье для исследования описанной проблематики применяются факторный анализ и ивент-анализ, а также системный подход к оценке деятельности *АР*.

Как отмечает Д.Нольте, члены *АР* довольно успешно практикуют своего рода совместный «национальный брендинг» для продвижения торговли и привлечения инвестиций, а также для повышения своего международного статуса и узнаваемости [16]. Имидж альянса, умело поддерживаемый сочетанием публичной дипломатии стран-участниц и грамотного пиара, создал своеобразный эффект «снежного кома», когда интерес к объединению со стороны внерегиональных акторов зачастую опережал его реальные достижения. Как отмечают мексиканские исследователи Х.П.Лальянде, Р.Веласкес Флорес и Л.Очоа Бильбао, формирование внешней идентичности особенно значимо для интеграционной модели *АР* [17]: действительно, наличие 59 стран-наблюдателей и переговоры о статусе ассоциированных членов с Австралией, Новой Зеландией, Канадой, Южной Кореей и Сингапуром можно считать результатом глобального признания *АР* «современным, динамичным прорыночным интеграционным проектом» [18], и в данном случае реальная выгода от такого количества внешних связей блока является вторичной по отношению к репутационным преимуществам.

Однако следует отметить, что стремление стать мостом в АТР практически не пересекается со вторым важнейшим вектором развития объединения — ростом внутриблоковой торговли и инвестиций, и стремительное увеличение количества внешних партнеров мало сочетается с тенденциями интеграции рынков стран *АР*. Показатель в менее чем 5% от общего объема торговли стран альянса практически не изменился за время существования объединения [19], и цель достичь 15% к 2030 г. кажется все более иллюзорной. И в этом заключается парадокс: все больше стран стремится вступить в те или иные формы ассоциации с *АР*, который отнюдь не становится более «гомогенным» в области рынков с ходом времени. Петербургские ученые Л.С.Хейфец и К.А.Коновалова справедливо констатируют, что желание каждого из членов *АР* получить площадку для диалога с отдель-

ными внешними игроками не смогло преобразовать блок во что-то большее, чем «простая сумма частей» [20].

В то же время круг вопросов, по которым эксперты *AP* успешно сотрудничают, весьма разнообразен: механизмы коллективного инвестирования, гармонизация налогового режима для пенсионных фондов, трансграничный доступ к *FinTech* продуктам и инновациям, выпуск «облигаций катастроф» (*catastrophe bond, CatBond*) [21]. Активность технических групп *AP*, формирующих трансграничные сети технократов, лидеров частного сектора и экспертов — это пример исключительной продуктивности объединения в практической плоскости, а также мотивированности стран-участниц на решение нестандартных задач интеграции [22].

Страны *AP* также достигли определенных успехов в обеспечении трансграничной мобильности своего населения, в том числе академической. Облегченная мобильность для туристических и деловых поездок постепенно сближает жителей четырех государств, в то время как платформа студенческой и академической мобильности *AP* закладывает еще более прочную основу для единения в долгосрочной перспективе [23]. Вместе с тем нельзя не отметить определенную асимметрию: Чили обладает наиболее открытой для свободного перемещения правовой базой, в то время как Мексика до сих пор работает над устранением нормативных препятствий в этой сфере.

За десять лет своего существования *AP* смог удержаться от политической или пропагандистской риторики, даже в те моменты, когда страны блока по отдельности занимали одну и ту же позицию по вопросам региональной повестки. Справедливо и другое: пока что смена политической ориентации стран объединения не оказывала существенного тормозящего воздействия на функционирование *AP*: даже очевидное неприятие неолиберализма действующим мексиканским президентом Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором (2018 — н/в) выражается, скорее, в относительно меньшем (по сравнению с другими странами-участницами) числе предложений Мексики по развитию альянса, нежели в саботаже его работы. Как отметил бывший президент Перу Педро Пабло Кучински (2016—2018 гг.), «Мы создали Тихоокеанский альянс, потому что мы хотели отделиться от популистов <...> Нам был нужен вектор думающего человека» [24].

По сравнению с другими блоками Латинской Америки, не изъясившими социально-политический компонент из своей повестки (речь, в первую очередь, идет о «моделях альтернативной интеграции», по определению сотрудника ИЛА РАН А.Н.Пятакова [25]: Боливарианском альянсе для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*), Союзе южноамериканских наций (*Union de Naciones Suramericanas, Unasur*), Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*), *AP* показал себя довольно эффективным в том, что касается его основного предназначения — торгово-экономической интеграции. Ориентированность альянса на переговоры о свободной торговле с другими странами и региональными блоками, особенно в АТР, выгодно отличает его и от *Mercosur*, который по-прежнему препятствует ведению таких переговоров странами-участницами по отдельности, несмотря на наметившийся и открыто проявившийся на XII внеочередном заседании Совета *Mercosur* раскол по этому вопросу [26]. Однако пандемия коронавируса поставила все интеграционные объединения региона в принципиально новые условия, и то, насколько успешно эти объединения адаптируются к данным условиям, становится еще одной ключевой метрикой оценки их

функционирования. С одной стороны, от блока, подчеркнуто сфокусированного на торгово-экономических задачах, не стоило ждать выработки единых стандартов реагирования национальных правительств или создания общих антикризисных структур (как, например, Чрезвычайный фонд *Mercosur* [27]). С другой стороны, пандемия бросает вызов процессу интеграции, следовательно, выработка коллективного ответа на последствия пандемии является естественным продолжением его развития.

Тихоокеанский альянс, отдающий приоритет «мягкой» экономической интеграции, меньше страдает от возможного отсутствия консенсуса между странами-участницами. Например, государства блока могут самостоятельно вести двусторонние переговоры о торговых соглашениях с внешними игроками, а их внутренняя политика может идти вразрез с другими, но это не отразится на целостности объединения (в отличие от *Mercosur*, приостановившего членство Венесуэлы к 2017 г. «в связи с нарушением демократического порядка» [28]). Однако этот же фактор придает внутриваловому взаимодействию более ограниченный характер и, как показывает практика, ослабляет его способность координировать действия стран-участниц в чрезвычайной ситуации. При всех недостатках институциональных моделей интеграции, «мягкие» модели проигрывают им в тех сценариях, где необходима оперативная слаженная реакция.

Автор данной работы исходит из того, что *AP* является уникальным интеграционным проектом, поэтому представляется целесообразным оценивать его эффективность в разгар пандемии через призму его собственных целей, а именно — четырех основных приоритетов, перечисленных в «Стратегическом видении Тихоокеанского альянса до 2030 г.», принятом в 2018 г. Страны *AP* договорились основывать свою дальнейшую работу на следующих постулатах: «более интегрированный, более глобальный, более взаимосвязанный и более гражданский» (*más integrada, más global, más conectada y más ciudadana*) [29].

Организационная структура *AP*, помимо президентского саммита и Совета министров, включает в себя Группу высокого уровня (*Grupo de Alto Nivel, GAN*) и технические рабочие группы. Важно отметить, что группы по здравоохранению к началу пандемии в *AP* не существовало, и основным акцентом совместных инициатив стран блока на начальном этапе стала борьба именно с экономическими последствиями пандемии, в то время как скоординированные меры в сфере здравоохранения страны альянса обсуждали в рамках других объединений, таких как Андское сообщество или Форум за прогресс и развитие Южной Америки (*Foro para el Progreso e Integración de América del Sur, PROSUR*) [30].

Первая реакция *AP* на пандемию коронавируса последовала 13 марта 2020 г. от *GAN*, которая объявила, что альянс приветствует обмен практиками и информацией, а 1 апреля национальные координаторы провели онлайн-встречу, чтобы проработать план действий технических групп [31]. В середине апреля *GAN* объявила о возможности использования ресурсов Фонда сотрудничества альянса, созданного в 2019 г., для финансирования мер по смягчению воздействия коронавируса. 9 июля четыре антикризисных проекта, представленные техническими группами, уже были одобрены *GAN*. Их тематика — содействие возобновлению туризма, цифровому обучению работников туристического сектора и учителей, а также внедрению системы мониторинга для управления и публикации информации о различных аспектах борьбы с пандемией [32].

Рассмотрев основные нормативные решения, принятые в течение первых 80 дней с момента первого случая заболевания, зарегистрированного в

государствах, входящих в *AP*, перуанские эксперты В.Вивас и М.Вийяр пришли к выводу, что страны блока реализовали аналогичные стратегии в отношении макропруденциальных мер (т.е. мер, направленных на минимизацию системных рисков в финансовом секторе) и рынка труда, в то время как тестирование, диагностика и социальная помощь населению осуществлялись правительствами, исходя из ситуации с распространением коронавируса, и слабо коррелировали [33]. Ключевым общим документом *AP* стал План работы по борьбе с *COVID-19* по 13 приоритетным направлениям, где были предложены механизмы совместных действий по адаптации к кризису и смягчению его последствий: упрощение документооборота для экспорта, цифровизация деятельности малых и средних предприятий (МСП), развитие электронной торговли и т.д. [34]. В рамках инициативы «Вызов *COVID*» (*Reto COVID*) альянс согласился профинансировать некоторые скоординированные действия через Фонд сотрудничества *AP*, преимущественно экономической направленности. Был также проведен конкурс технологических инициатив, разработанных в странах блока, которые могут способствовать смягчению ущерба, нанесенного кризисом здравоохранения: почти из 400 проектов было отобрано 8 победителей [35].

Ограничения на поездки, наложенные в связи с пандемией, подтолкнули *AP* активнее использовать цифровые технологии для продолжения работы по ключевым допандемическим векторам интеграции. Блок прекрасно справился со своей ролью коммуникативной площадки: в ходе 8 ежегодного Форума предпринимательства и инноваций *LAB4*, проведенного он-лайн, состоялись переговоры о проектах на общую сумму в 22 млн долл. В работе форума приняло участие 37 компаний-экспортеров услуг и 42 стартапа из четырех стран. VI Макрораунд туризма (*Macrorrueda de Turismo*), также проходивший в виртуальном формате в октябре 2020 г., объединил 189 компаний на 1033 встречах, которые, по примерным оценкам, принесут туристическому сектору 6,7 млн долл. [36]. Одним словом, стремление *AP* быть *más integrada y más conectada* перед лицом пандемии стало его ключевым антикризисным ответом.

Приоритет *más global* также не остался без внимания во время пандемии: блок продолжал переговоры об ассоциации с внешними игроками и обменивался опытом смягчения экономических последствий пандемии с другими интеграционными проектами. Наиболее значительным достижением стало завершение переговоров о Соглашении о свободной торговле (ССТ) между *AP* и Сингапуром, о котором было объявлено 21 июля 2021 г. [37]. Кроме того, в 2020 г. было проведено три виртуальных Макрораунда с Великобританией, Центральной Америкой, Восточной Азией и Океанией: 276 компаний-экспортеров из стран *AP* наладили контакт с более чем 150 импортерами из перечисленных регионов мира. Общий объем договоренностей составил 105 млн долл., в том числе 6,5 млн в результате немедленных соглашений (заключенных в ходе встреч) [36].

Как отмечалось выше, меры социальной поддержки предпринимались странами альянса по отдельности, на уровне национальных правительств. Тем не менее, на платформе объединения проводились регулярные консультации и встречи технических групп, в том числе посвященные дальнейшей либерализации законодательства для улучшения качества жизни в странах-участницах. Каким образом применять выработанные принципы, каждая из стран решала самостоятельно, однако приверженность приоритету обеспечения прав населения на жизнь, полноценный доступ к медицинским услугам и цифровым сервисам, поддержка государства и гаранти-

рованный минимальный доход зафиксированы [38] как общие идейные ценности *AP*, переключаясь с четвертым столпом *AP más ciudadana*.

Оценить влияние действий, предпринятых *AP*, на снижение ущерба от кризиса *COVID-19* или на темпы восстановления национальных экономик не представляется возможным из-за множественности взаимозависимых факторов, «наложения» индивидуальных и коллективных мер стран-участниц, а местами и недостаточности статистических данных. Однако исследователи Католического университета Колумбии в середине 2020 г. предприняли попытку оценить возможные темпы реактивации экономик стран *AP* и пришли к выводу, что восстановление неизбежно произойдет в 2021 г., причем наибольшие темпы покажет Мексика (3,9% при среднем показателе по блоку 3,2%) [39]. Важно отметить причину, по которой авторы объясняют более интенсивный рост мексиканского гиганта: повышение производительности США, крупнейшего рынка сбыта для своего южного соседа. Иными словами, изучив значительные массивы данных Всемирного банка, Международного валютного фонда, Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, а также торговые балансы каждой из стран, исследователи не нашли оснований для того, чтобы предсказать, что внутри блока могло бы стать стимулятором роста.

Перед лицом пандемии государства *AP* оказались уязвимы и столкнулись с такими одинаковыми проблемами, как неподготовленность системы общественного здравоохранения, недостаточность доступа населения к цифровым услугам (в том числе банковским), большой процент неформальной занятости. Кроме того, три страны из четырех столкнулись со значительными социальными волнениями в конце 2019 г., что обусловило дополнительное давление на власть со стороны СМИ и гражданского общества. Однако *AP* не счел необходимым воспользоваться хорошо налаженными рабочими контактами между официальными лицами и экспертными сообществами стран объединения для всеобъемлющей унификации антикризисных стратегий, и мотивация вполне понятна: блок рисковал «увязнуть» в комплексных и излишне детальных обсуждениях, где шансы достичь безусловного единства были минимальны. Прямой необходимости в этом, как и политической воли для такой работы, не было ни у Чили как председателя *pro tempore*, ни у других стран объединения.

Этот подход является наглядной иллюстрацией наличия внутренних ограничений в *AP*, сдерживающих его естественную эволюцию под влиянием внешних обстоятельств. Пандемия коронавируса поставила перед государствами проблемы самого разного характера, и в этом контексте региональный уровень, как промежуточный между национальным и международным, представляется ключевым для принятия решений там, где усилия стран, предпринятые поодиночке, не приводят к выработке необходимой стратегии для преодоления кризиса [40].

Дискуссия о «естественных ограничениях» и недостаточной практической эффективности существующих интеграционных моделей является важным аспектом отечественной и зарубежной латиноамериканистики. К.Ортис Моралес выделяет пять критериев региональной сплоченности: лидерство, взаимозависимость, конвергенция политических и экономических интересов, идентичность и институционализация. По ее мнению, *AP* как международный режим не подразумевает глубокую схему политической и экономической интеграции, и его главной слабостью, с точки зрения консолидации и преемственности, является то, что вместо формирования постоянных институтов блок всецело полагается на политическую волю национальных правительств [3]. Ту же слабость отмечает и К.Чавес

Гарсиа: недостаточная институционализация усугубляется хрупкостью правовых рамок и чрезмерным президентским влиянием [8]. Колумбийский ученый Гильермо Корредор выразил сомнение, что институциональная архитектура Тихоокеанского альянса пригодна для выработки устойчивых решений в сфере сложных социальных и экономических последствий, возникающих в результате углубления цифровой экономики [41].

С другой стороны, ряд экспертов не дает слабой институционализации однозначно негативную оценку: колумбийские авторы Э.Куэстас Замора и У.Тоене отмечают, что *AP* «дополняет свою коммерческую траекторию политическими, социальными и производственными программами интеграции, способствуя диверсификации международных экономических отношений своих членов без изменения или модификации их суверенных полномочий» [42]. Согласно Л.Варгасу-Альсате, прогресс в интеграционной деятельности *AP* очевиден и может происходить за счет более эффективных связей, возникших в результате налаженного сотрудничества, чем за счет экономической, торговой или политической интеграции между странами-участницами [43].

Вне зависимости от субъективных предпочтений исследователи отмечают, что для *AP* наступил момент, когда он должен определиться, оставаться ли в парадигме «мягкой интеграции» или же взять курс на более формальную, институционализированную структуру, создав, например, технический секретариат или орган исполнительного президентства [13]. Недавно *AP* обратился к Межамериканскому банку развития с просьбой изучить вопрос институционального управления и предоставить блоку рекомендации. По опыту латиноамериканских интеграционных проектов, учреждение наднациональной непереходной структуры с фиксированными полномочиями напрямую связывается с задачей преодоления разногласий и барьеров на пути к росту внутриблокового сотрудничества. Возможно, будущее *AP* связано с разработкой инновационной модели институционализации интеграции. Как отмечает аргентинский ученый Андрес Сербин, руководитель Регионального координатора экономических и социальных исследований (*Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales, CRIES*), национальный суверенитет по своей природе является препятствием интеграции, но эту концептуальную парадигму возможно преодолеть с помощью долгосрочных стратегий выстраивания эффективного регионального управления [44].

Расширение инструментария Альянса, в том числе направленного на контроль правоприменения, является частым предложением экспертного сообщества. У этого пути эволюции есть и другая сторона: так, венесуэльский исследователь А.Мартинес Кастильо приходит к выводу, что инструмент принуждения к демократии, дважды использованный *Mercosur* (протокол Ушуайя, задействованный против Парагвая в 2012 г. и против Венесуэлы в 2016 г.), в конечном счете создал предпосылки для внутренней конфронтации, и отмечает явное преимущество модели *AP* с точки зрения ее ожидаемой долговечности [45]. То, что некоторые эксперты сочли бесспорной институциональной слабостью на заре существования объединения [46], стало его отличительной чертой и, возможно, залогом долгой плодотворной работы: как отмечается в исследовании Латиноамериканской экономической системы (*Sistema Económico Latinoamericano y del Caribe, SELA*), *AP* успешно развивается как «инициатива сотрудничества со средним уровнем управления» [47]. При этом было озвучено много идей менее масштабного характера: так, чилийские эксперты Н.Гайярдо-Салазар

и Х.Тихмес-Иль отметили необходимость совершенствования механизма разрешения споров в рамках структуры *AP* [48].

В 2018 г. бразильский исследователь Ж.С.Лима констатировал, что в условиях децентрализованного экономического регионализма консолидировать *AP* как проект «глубокой интеграции» будет чрезвычайно сложно, и нет гарантий, что эта амбициозная цель увенчается успехом [49]. Альянсу предстоит определить, как избежать замкнутого круга, названного экс-президентом Межамериканского диалога Майклом Шифтером «ситуативным регионализмом» [50]. Он характеризуется повторяющимся циклом оптимизма и создания институтов, за которыми следуют длительная стагнация и пренебрежение со стороны национальных правительств, которые предпочитают действовать в одностороннем порядке. Вопрос о расширении *AP* также является дилеммой: малое число стран, как и малое число внутриблоковых институтов, способствует большей «маневренности» объединения как в ходе принятия сиюминутных решений, так и в выборе долгосрочной стратегии развития. Вместе с тем доступ к новым рынкам на преференциальных условиях (в частности, к эквадорскому) вполне отвечают ключевым целям *AP*.

COVID-19 только усилил существующие глобальные экономические, торговые и инвестиционные тенденции, поменяв ряд приоритетов. Альянс сохранил свою жизнеспособность во время пандемии, хотя страны блока по отдельности понесли серьезные потери от ее экономических и социальных последствий. На протяжении первой декады своего существования объединение избегает ставить перед собой слишком амбициозные цели, путь к которым мог бы поставить *AP* в тупик. Уважая позиции каждой страны по другим вопросам региональной и глобальной повестки дня, объединение сосредоточилось на общем — рыночном подходе в построении экономики. В случае *AP* такой подход выглядит выигрышной тактикой: по мнению исследователей А.Брисеньо, С.Серпы де Уртадо и Х.Моры, потенциал большей конвергенции стран Латинской Америки заложен именно в плоскости экономической динамики, а не в политических соглашениях [51]. Ставка на практическую ориентированность и негласный консенсус в сфере невмешательства во внутренние дела стран-участниц позволил им сосредоточиться на по-настоящему инновационных аспектах открытого регионализма нового образца.

Страны блока с трудом преодолевают историческую предрасположенность ставить во главу угла собственные экономические отношения с другими акторами, а не объединять усилия по завоеванию новых рынков, поэтому между ними была и остается существенная конкуренция, в то время как сложная география тормозит рост внутриблоковой торговли [52]. Когда политической воли каждого из государств недостаточно для преодоления того или иного макротренда, ощущается нехватка наднациональной структуры, готовой вести кропотливую работу по гармонизации национальных позиций. Такая работа не сулит молниеносных результатов, которые страна-председатель *pro tempore*, инициировавшая ее, сможет записать на свой счет, однако в стратегической перспективе она представляется необходимой. От того, каким путем пойдет *AP* — формализации либо как можно более длительного сохранения *status quo*, — будет зависеть, сможет ли альянс в полной мере реализовать скрытый потенциал по переосмыслению региональной интеграции как способа выхода из многочисленных сопутствующих ей кризисов — здравоохранения, занятости, социальной сферы, продовольственной безопасности, туризма.

Взгляд на функционирование блока сквозь призму четырех основных приоритетов, перечисленных в «Стратегическом видении Тихоокеанского альянса до 2030 г.», показал, что *AP* предпринял значительные усилия по смягчению удара пандемии по странам-участницам, строго придерживаясь рамок своей компетенции. Разумеется, региональная интеграция в целом и модель *AP* в частности не является панацеей от серьезных структурных проблем развития региона, тем более усугубленных пандемией, но сильный и глубоко, на разных уровнях, интегрированный внутриблочный рынок, бесспорно, имеет большой запас прочности и потенциал для восстановления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Лавут А.А. Тихоокеанский альянс латиноамериканской четверки. *Латинская Америка*. М., 2012, № 4, сс. 11-24. [Lavut A.A. Tikhookeanskii al'yans latinoamerikanskoi chetverki [Pacific alliance of Latin American four]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2012, N 4, pp. 11-24 (In Russ.).]
2. Riggiozzi, P and D Tussie (eds). *The Rise of Post-Hegemonic Regionalism: The Case of Latin America*. London/New York: Springer, 2012, 194 p.
3. Ortiz Morales J.C. La Alianza del Pacífico como actor regional: factores de éxito para la cohesión regional hacia la proyección internacional. *Desafíos*. 2017, 29 (1), pp. 49-77. Available at: <https://doi.org/10.12804/revistas.urosario.edu.co/desafios/a.4885> (accessed 11.06.2021).
4. George S. *The Pacific Pumas: An Emerging Model for Emerging Markets*, Washington, D.C.: Bertelsmann Foundation, 2014, 56 p.
5. Rodríguez Aranda I. Oportunidades y desafíos que plantea la Alianza del Pacífico para la política exterior y para los nuevos modelos de integración regional de sus miembros. In Rodríguez I. & Vieira E. (Eds.) *Perspectivas y oportunidades de la Alianza del Pacífico*. Bogotá: Cesa, 2015, pp. 63-102.
6. Nelson M. The Pacific Alliance: regional integration as neoliberal discipline. *Globalizations*. 2021, vol. 18, 23 p. DOI: 10.1080/14747731.2021.1945394
7. Разумовский Д.В. Конец «постлиберального» регионализма в Латинской Америке? *Латинская Америка*. М., 2018, № 1, сс. 25-44. [Razumovskii D.V. Konets «postliberal'nogo» regionalizma v Latinskoi Amerike? [The end of “postliberal” regionalism in Latin America?] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 1, pp. 25-44 (In Russ.).]
8. Chaves García, C. A. Aproximación teórica y conceptual para el análisis de la Alianza del Pacífico. *Desafíos*. 2018, 30(1), pp. 21–45.
9. Nolte, D., Wehner, L. The Pacific Alliance casts its cloud over Latin America. *Giga Focus*. 2013, N 8. 8 p. Available at: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/11578404-pacific-alliance-casts-cloud-over-latin-america/> (accessed 24.07.2021).
10. Хмелевская Н.Г. Интеграционные процессы в Латинской Америке через призму региональной торговли (на примере МЕРКОСУР и Тихоокеанского альянса). *Ибероамериканские тетради*. М., 2014, № 3 (5), сс. 131-141. [Khmelevskaya N.G. Integratsionnye protsessy v Latinskoi Amerike cherez prizmu regional'noi trgovli (na primere MERKOSUR i Tikhookeanskogo al'yansa) [Integration processes in Latin America through the prism of regional trade (on the example of MERCOSUR and the Pacific Alliance)] *Iberoamerikanskie tetradi*. Moscow, 2014, N 3 (5), pp. 131-141 (In Russ.).]
11. Хмелевская Н.Г. Торговая интеграция в MERCOSUR vs инфраструктурная интеграция в Тихоокеанском альянсе. *Латинская Америка*. М., 2015, № 2, сс. 48-58. [Khmelevskaya N.G. Torgovaya integratsiya v MERCOSUR vs infrastruktturnaya integratsiya v Tikhookeanskom al'yanse. [Trade Integration in MERCOSUR vs Infrastructure Integration in the Pacific Alliance] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2015, N 2, pp. 48-58. (In Russ.).]
12. Söderbaum F. Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field. *KFG Working Paper*. 2015, N 64, 43 p.
13. Briceño-Ruiz J., Legler T., Prado Lallande J.P. Growing up as the new kid on the block: The Pacific Alliance turns 10. *Latin American Policy*. 2021, vol. 12, issue 1, pp. 193-204.

14. Saunit A., García López M.B. A diez años de la Declaración de Lima, balances y perspectivas. En *El Estado de las Negociaciones Comerciales Internacionales*. 2021, informe 1, pp. 55-59. Available at: <http://rephip.unr.edu.ar/xmlui/bitstream/handle/2133/20826/Informe%201-2021.pdf?sequence=3#page=57> (accessed 28.06.2021).
15. Romero Gómez A.F. Cincuenta años de integración y cooperación económicas en América Latina y el Caribe: balance crítico. *Revista Economía y Desarrollo (Impresa)*. 2021, vol. 165, N 2, 26 p. Available at: <http://www.econdesarrollo.uh.cu/index.php/RED/article/view/835> (accessed 11.06.2021).
16. Nolte D. The Pacific Alliance: Nation-Branding through Regional Organisations. *GIGA Focus Latinamerika*. 2016, N 4, 13 p.
17. Prado Lallande J.P., Velázquez Flores R. La Alianza del Pacífico: comercio y cooperación al servicio de la integración. En *La Alianza del Pacífico: nuevo mecanismo de cooperación e integración Latinoamericano*. Ed. por J.P. Prado Lallande, R. Velázquez Flores, L. Ochoa Bilbao. México: Asociación Mexicana de Estudios Internacionales, A.C. Fundación Konrad Adenauer, 2017, pp. 63-87.
18. Foster K. The Future of the Pacific Alliance. *Harvard International Review*. 2020, Vol. 41, N 2, pp. 40-45. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26917301> (accessed 18.04.2021).
19. Michel L., Chavez R., Carlos J. Participación de exportaciones e importaciones en PIB y concentración de comercio en países de la Alianza del Pacífico. *Portes: Revista Mexicana de Estudios Sobre la Cuenca del Pacífico*. 2019, vol. 13, Issue 26, pp. 75-99.
20. Хейфец Л.С., Коновалова К.А. Латиноамериканские исследования интеграции: от периферийного капитализма к «Судамекзиту». *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. М., 2019, Т. 19, № 2, сс. 218-233. [Kheifets L.S., Konovalova K.A. Latino-amerikanskie issledovaniya integratsii: ot periferiynogo kapitalizma k «Sudamekzitu». [Latin American Reflections on Integration Processes: from Theory of Peripheral Capitalism to “Sudamexit”] *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»*. Moscow, 2019, vol. 19, N 2, pp. 218-233. (In Russ.).
21. Moreira M. et al. Connecting the Dots: A Road Map for Better Integration in Latin America and the Caribbean. *IDB*. 2018, 139 p. Available at: https://mpr.aub.uni-muenchen.de/102289/1/MPRA_paper_102289.pdf (accessed 13.01.2021).
22. Villarreal, M.A. The Pacific Alliance: A Trade Integration Initiative in Latin America. Washington, DC: Congressional Research Service Report, 2016, 17 p. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43748.pdf> (accessed 02.01.2021).
23. Blanco-Jiménez M., Parra-Irriego G., González-González N., Tavizon-Salazar A. Pacific Alliance: Political, Economic, and Commercial Implications. In Blanco-Jimenez, M. and Álvarez, J.C. (Ed.) *Regional Integration in Latin America*. Emerald Publishing Limited, Bingley, 2019, pp. 1-12. Available at: <https://doi.org/10.1108/978-1-78973-159-020191001> (accessed 31.12.2020).
24. Latin America Grapples with Two Styles of Economics. *Wall Street Journal*, 03.01.2014.
25. Пятаков А.Н. Модели альтернативной интеграции Латинской Америки в начале XXI в. *Ибероамериканские тетради*. М.: МГИМО-Университет, 2014, № 3(5), сс. 109-117. [Pyatkov A.N. Modeli al'ternativnoi integratsii Latinskoi Ameriki v nachale XXI v. [Models of Latin American integration in the beginning of the XXI century]. *Iberoamerikanskie tetradi*. М.: МГИМО-Университет, 2014, N 3 (5), pp. 109-117. (In Russ.).
26. Argentina propuso a sus socios del Mercosur una reducción del Arancel Externo Común. *TELAM*, 26.04.2021. Available at: <https://www.telam.com.ar/notas/202104/552140-argentina-propuso-a-sus-socios-del-mercosur-una-reduccion-del-arancel-externo-comun.html> (accessed 29.05.2021).
27. MERCOSUR approves emergency fund to fight COVID-19. *Cancilleria Argentina*. 2020. Available at: <https://cancilleria.gob.ar/en/announcements/news/mercosur-approves-emergency-fund-fight-covid-19> (accessed 10.02.2021).
28. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2017, т. 61, № 5, сс. 79-87. [Kheifets V.L., Khadorich L.V. Krizis v Venesuele i regional'naya integratsiya [Crisis in Venezuela and regional integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2017, vol. 61, № 5, pp. 79-87. (In Russ.).
29. Visión estratégica de la Alianza del Pacífico al año 2030. *Alianza del Pacífico*. 2018. Available at: <https://alianzapacifico.net/wp-content/uploads/V.-final-ALIANZA-DEL-PACIFICO-V2030-version-final-julio-24.pdf> (accessed 01.02.2021).

30. Walid de Magalhaes Naddi B., de Souza Borba Goncalves J. The Pacific Alliance facing the COVID-19 outbreak. *Regionalism Observatory*. 2020, N 4, pp. 30-40. Available at: <http://observatorio.repri.org/wp-content/uploads/2020/11/Dossie-2020-final-EN-dragged-4.pdf> (accessed 11.05.2021).
31. Coordinadores Nacionales de la Alianza del Pacífico se reúnen de manera virtual para dialogar sobre posibles líneas de acción del mecanismo en contexto del COVID-19. *Alianza del Pacífico*. 01.04.2020. Available at: <https://alianzapacifico.net/coordinadores-nacionales-de-la-alianza-del-pacifico-sereunen-de-manera-virtual-para-dialogar-sobre-posibles-lineas-de-accion-del-mecanismo-en-contexto-del-covid-19/> (accessed 28.03.2021).
32. Viceministros de la Alianza del Pacífico se reúnen para aprobar proyectos que contribuyan a mitigar el impacto económico de la pandemia. *Alianza del Pacífico*. 09.07.2020. Available at: <https://alianzapacifico.net/viceministros-de-la-alianza-del-pacifico-se-reunen-para-aprobar-proyectos-que-contribuyan-a-mitigar-el-impacto-economico-de-la-pandemia/> (accessed 28.03.2021).
33. Vivas V., Villar M. Strategic responses to the COVID-19 pandemic in Pacific Alliance countries. *Management Research*. 2020, vol. 18, N 4, pp. 345-356.
34. Plan de trabajo frente al COVID-19. *Alianza del Pacífico*. 2020. Available at: https://alianzapacifico.net/wp-content/uploads/PLAN_TRABAJO_COVID_19.pdf (accessed 05.05.2021).
35. Reto COVID-19 TransferenciAP. *Alianza del Pacífico*. 2020. Available at: <https://retocovid19transfe.wixsite.com/home> (accessed 27.05.2021).
36. La Alianza del Pacífico cumple 10 años y como Presidente pro tempore, Colombia presenta algunos de los logros del mecanismo. *Cancillería de Colombia*. 28.04.2021. Available at: <https://www.cancilleria.gov.co/newsroom/news/alianza-pacifico-cumple-10-anos-presidente-pro-tempore-colombia-presenta-algunos> (accessed 20.05.2021).
37. The Pacific Alliance and Singapore conclude negotiations for a Free Trade Agreement (ALCAPS). *Alianza del Pacífico*, 21.07.2021. Available at: <https://alianzapacifico.net/la-alianza-del-pacifico-y-singapur-concluyen-negociaciones-para-un-acuerdo-de-libre-comercio-alcaps/> (accessed 22.07.2021).
38. Declaración de la Decimo Segunda Sesión de la Comisión Interparlamentaria de Seguimiento a la Alianza del Pacífico. *Alianza del Pacífico*, 10.08.2020. Available at: <https://alianzapacifico.net/?wpdmdl=19634> (accessed 07.05.2021).
39. Reyes Ortiz G.E., Mendoza Sáenz C.A., Robayo Piñeros E.L. Países de la Alianza del Pacífico 2000-2021: efectos del COVID-19 en el crecimiento y la reactivación económica. *Revista Finanzas y Política Económica*. 2021, vol. 13, N 1, pp. 99-113. Available at: <https://doi.org/10.14718/revfinanzpolitecon.v13.n1.2021.5> (accessed 01.06.2021).
40. Правдюк Д.А. Настоящее и будущее латиноамериканской региональной интеграции на фоне пандемии COVID-19. *Клио*. СПб., 2020, № 9, сс. 63-70. [Pravdiuk D.A. Nastoyashchee i budushchee latinoamerikanskoi regional'noi integratsii na fone pandemii COVID-19. [Present and future of the Latin American regional integration amidst the COVID-19 pandemic]. *Klio*. St. Petersburg, 2020, N 9, pp. 63-70. (In Russ.).
41. Corredor G. R. The Pacific Alliance Towards a Strategy on Digital Economy? *Anuario Colombiano de Derecho Internacional*. 2020, N 13, pp. 165-186. Available at: <https://doi.org/10.12804/revistas.urosario.edu.co/acdi/a.8343> (accessed 03.07.2021).
42. Cuestas Zamora E., Thoene U. The Pacific Alliance as a Regional Trade Agreement: Analysis from an Ius Internationalist Approach. *Colombia International*. 2020, N 104, pp.131-156. Available at: <https://doi.org/10.7440/colombiaint104.2020.05> (accessed 14.07.2021)
43. Vargas-Alzate L. The Pacific Alliance as a catalyst for cooperation: a review from the perspective of the Global South. *Oasis-Observatorio de Analisis de los Sistemas Internacionales*. 2019, N 29, pp. 175-196.
44. Serbín A. Soberanía e integración en América Latina. Comentario Internacional. *Revista del Centro Andino de estudios internacionales*. 2013, N 13, pp. 65-73. Available at: <https://revistas.uasb.edu.ec/index.php/comentario/article/view/45> (accessed 10.07.2021)
45. Martínez Castillo A. Alianza del Pacífico y Mercado Común del Sur: dos enfoques de la integración económica regional. *Papel Político*. 2016, 21 (2), pp. 469—494.
46. Legler T., Santa Cruz A. (Eds.). El patrón contemporáneo del multilateralismo latinoamericano. En *Los desafíos del multilateralismo en América Latina*. 2011, vol. 16, pp. 11-34.
47. Una visión prospectiva de la integración latinoamericana y caribeña. *SELA, Series Económicas*, 2018, 52 p.

Дарья Правдюк

48. Gallardo-Salazar, Natalia, y Jaime Tijmes-IHL. The Pacific Alliance and the CPTPP As Alternatives to WTO Dispute Settlement. *Revistas Pontificia Universidad Católica del Perú*. 2021, N 86, pp. 39-71.

49. Lima J.S. Latin America's Decentred Economic Regionalism: From the FTAA to the Pacific Alliance. *Contexto Internacional*. 2018, vol. 40, N 2, pp. 339-359.

50. Shifter M., Binetti B. Unfulfilled Promises. Latin America Today. *Washington DC: Inter-American Dialogue*, 2019. 166 p. Available at: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2019/03/unfulfilled-promises-english-new.pdf> (accessed 08.06.2021).

51. Briceño A., Zerpa de Hurtado S., Mora J. Economic and commercial convergence in Latin America. How are these countries doing so far? *Structural Change and Economic Dynamics*. 2021, N 57, pp. 239-250.

52. Cortes-Villafraquez R., De la Pena-Cardenas N. Analysis of transport infrastructure development and competitiveness in the member countries of the Pacific Alliance (2007-2016). *Revista Finanzas y Política Económica*. 2019, 11 (2), pp. 277-297.

Daria A.Pravdiuk (dariapravdiuk@gmail.com)

Regional Director for Latin America, Roscongress Foundation

88A, Sredny prospekt, V.O., 199106 Saint Petersburg, Russian Federation

Benefits and limitations of the Pacific Alliance integration model in the face of the pandemic

Abstract. This article examines the achievements and potential of the Pacific Alliance as a regional bloc with a decade of history and unique priorities. An attempt was made to assess the effectiveness of the bloc in the context of the coronavirus pandemic and its consequences, taking into account the goals of the association and historical features of its functioning. Looking at the bloc's activities through the prism of the four main priorities listed in the Strategic Vision of the Pacific Alliance until 2030, the author showed that the Pacific Alliance has made significant efforts to mitigate the impact of the pandemic on the member countries, strictly adhering to the framework of its competence. Corona-crisis of 2020-2021 showed that the Alliance is at a crossroads, having two possible vectors for further development: to formalize its structure in order to speed up integration, or to maintain a minimalist and flexible management style.

Key words: Pacific Alliance, regional integration, integration association, trade block, Chile, Peru, Mexico, Colombia.

DOI: 10.31857/S0044748X0017109-8

Received 23.07.2021.